

Лилит Трокс

**Причина Пандемии
№20**

12+

Лилит Трокс

Причина Пандемии №20

«ЛитРес: Самиздат»

2010

Трокс Л.

Причина Пандемии №20 / Л. Трокс — «ЛитРес: Самиздат», 2010

ISBN 978-5-532-07086-8

Он чувствует дыхание смерти у себя за спиной, он заразил миллионы, имя ему Причина Пандемии №20. С ним всегда его любимый киборг. А вместе они противостоят Высшим мира сего, тем, кто взял на себя ответственность решать, кому можно будет остаться на этой планете...

ISBN 978-5-532-07086-8

© Трокс Л., 2010
© ЛитРес: Самиздат, 2010

Содержание

Часть 1.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Часть 1.

Великий момент.

Холодный пол...

Несмотря на это пот струйками стекает у него по телу. Где-то рядом находится котельная. Он чувствует запах горячей влаги и утомительное тепло. Конечно, многое к его состоянию прибавил укол. Они не ведают что творят, а он даже не мог разобраться, хотел ли сам чинить им препятствия и были ли они не правы...

Когда он познакомился с ней, Глеб не помнил, это был август или сентябрь, а может даже июль. Да, скорее всего июль. Боливийские индейцы, расположившись посреди главной площади города, предоставляли на суд слушателей свои песни. Мозг начинал усиленно вспоминать, какой температуры был воздух и дул ли ветер. Был ли он счастлив, спешил куда-нибудь, или просто слонялся по городу без дела. Помнится, что подошел к телефонной будке... Или это была остановка? Железо сильно накалилось на солнце, и он чуть обжег руку. Нет, многие факты реальности были стерты, навсегда, хоть мозг последним усилием и пытался вытащить их наружу, как понравившийся сон из подсознания. Он даже не задумывался о сути своего существования. Кажется, он даже не верил, что у него есть какое-то предназначение. Сложно вспоминать.

Глеб замер, услышав где-то знакомый мотив. Он невольно заслушался. Когда-то именно под эту песню их взгляды пересеклись. Он никогда не запоминал людей, лишь их энергетику. А тут понял, что взгляд был до боли знакомым. Нет, он не клялся бы, что видел ее в этой жизни, да и что касается инкарнации, то он не получил ни единого разумного факта, чтобы увериться в ее существовании. Он просто выделил ее среди зевающей толпы. Сначала просто выделил. Так бы он сказал раньше. Теперь-то он понимал, что слова «ПРОСТО» не существует. Вернее слово-то существует, но не существует простых совпадений, случайностей. Есть то, что должно произойти, и оно происходит. Однако он ни в коем случае не хотел, чтобы его принимали за фаталиста. Глеб никогда не верил в то, что если в книге твоей жизни написано, что на голову тебе упадет камень, он должен упасть. Все намного проще. Если ты заслужил этот камень, то он упадет, пусть даже он будет не камнем, а трамваем, чьи рельсы врежутся в твое мясо как нож в масло и похрустят твоими косточками, он может быть и неизлечимой болезнью. В жизни нет ничего того, чего нет. Звучит странно, но другими словами в нашей жизни есть все, что только может быть, а есть все. Все что рождает наше сознание, уже кто-то когда-то придумал и лишь ждал время, чтобы вложить это в наши головы. Иногда он вкладывает это почти одномоментно, тогда идут глупые споры и бесконечные суды, которые выясняют, кто же был плагиатором. Именно по этой причине законы физики имеют двойные имена – Бойль-Мариотт, Джоуль-Ленц. Люди верят гадалкам, которые предсказывают будущее. Что ж, и он верил. Глеб был воочию убежден, что и такие способности даны людям. Одному из его старых знакомых нагадали скорую несчастную смерть. И это произошло. Правда, гадалка могла бы предсказать в следующий раз другой исход, и он тоже осуществился бы. Люди меняют свою судьбу каждый день. Каждый день несет жизнь или смерть в зависимости от того, что они выбирают. Но он опять отвлекся от главного, того, что так занимало его сейчас. Что же было в ней, почему он выделил ее? Что-то в ней было не так. Как если бы вся площадь, не исключая его, была одним механизмом, выкрашенным в серый цвет, а она была маленьким винтиком, но выкрашенным в ярко-зеленый или кричаще красный. Девушка кидала мелкие, где-то даже злобные взгляды на поющих, а увидев, что он пристально ее изучает, подарила и ему целую серию. Он смущенно отвернулся, или скорее опустил взгляд в пол, изучая истоптанные шлепки на грубых волосатых ногах и аккуратненькие босоножки на ножках стоящей рядом с шлепками

барышни. Конечно, этого всего могло бы и не быть, но так уж рисовало его сознание их первую встречу, и у него не было ни сил, ни желания с ним спорить. Как бы то ни было, вскоре он увидел и ее улыбку. Она склонилась над длинными круглыми палками, поверх которых в ряд были повязаны цветные феньки. По ее взгляду он понял – что-то в них ее привлекло. Глеб с трудом пробрался сквозь толпу и очутился рядом. В нос ударил этот странный запах, который до сегодняшнего дня ассоциировался у него с самыми ужасными событиями в его жизни. Она опять кинула на него «знакомый» взгляд и недобро сжала губы.

– Понравились?

Он кивнул на цветные товары.

Ее губы чуть расслабились, но из взгляда все еще не исчезала враждебность.

– А если да? Купите мне?

Парень слегка опешил, его рука, находящаяся в кармане принялась судорожно пересчитывать мелочь. К лицу начала подступать краска. Он понимал, что слишком мало взял наличных. Впрочем, учитывая его зарплату, ему приходилось изрядно экономить, и он брал ровно столько купюр, сколько необходимо было на еду и те и другие жизненно необходимые принадлежности. Он почувствовал, как на его спине выступил пот, и руки стали дрожать. Ибо содержимого его карманов не хватало бы даже на половину безделушки.

– Ну, так купите? – напирала девушка.

Ему ничего не оставалось, как покачать головой.

Она криво ухмыльнулась, и ее взгляд говорил ему: «я так и знала, чего от тебя ждать». А потом она произнесла вслух то, что дало ему уверенность в его собственных способностях чтения мыслей.

– Жалкий обыватель!

– Что?

Он растерялся. Слово обыватель никогда не казалось ему оскорбительным, но в этот раз он понял, что его обозвали. Понял по ее тону.

– Я просто забыл взять...

Она прервала его смехом и, растолкав возмущенную толпу, выбралась на свободное место. Он проществовал следом.

– Я забыл... – произнес он, разводя руки.

Но в этот раз слова его прозвучали как-то вяло.

– Ты не забыл, ты просто не взял. Ты купил хлеба, чтобы вечером покушать с ним жалкого супа. На твоём пальце нет кольца, значит, ты не женат, и ты тощ, как селедка, значит, питаешься дешевой лапшой из супермаркетов!

– Неправда, я слежу за фигурой...

На этот раз Глеб замолчал сам, ибо это было ложью. Любой прохожий определил бы его аморфность по тощим, без намеков на мускулатуру, рукам и чуть обрюзгшему, хоть и не толстому, животу. Он неловким движением спрятал пакет с хлебом за спину.

– Иногда у меня бывают деньги.

Он уже захлебывался словами, даже не спрашивая себя, почему сейчас стоит перед ней как школьник и оправдывается.

– Я и не говорю, что их у тебя не бывает! Я о ДРУГОМ, дурик! Все, что у тебя есть, расписано с точностью до копейки. А если ты взвесишь чуть больше пельменей в магазине, ты победишь их отсыпать.

Тут он сдался. Она читала его как раскрытую книгу. Как букварь. Ему даже показалось тогда, что она за ним долго следила. Небольшой, болезненный укольчик от паранойи.

– Я могу взять немного денег из дома и купить тебе.

Тут растерялась она. Ее глаза сделались круглыми и большими, именно такие глаза рисуют рождественским ангелочкам или анимешным персонажам. Он невольно залюбовался и понял, что попал.

– Ты серьезно?

Глеб кивнул и опустил глаза. И опять ему в нос ударил этот странный запах.

– Чем ты душишься?

Она нахмурилась.

– Я не душусь, еще хочу пожить.

Он смутился, понимая, что это был полу-вежливый посыл, но отчего-то продолжил.

– Каким парфюмом пользуешься?

Девушка нетерпеливо вдохнула и посмотрела на него как на сумасшедшего.

– Я не пользуюсь парфюмом.

Как-то странно выглядело ее упрямство, но она явно не хотела посвящать его в эту «страшную» тайну. Тогда ему это показалось смешным. Тайной девочки-подростка.

– Ладно, чем от тебя пахнет?

Ее глаза сделались совсем черными.

– Что тебе дался мой запах? Ты знаешь, что человеческий мозг может уместить в себя только определенную долю информации? И я не думаю, что информация о моем запахе так жизненно важна!

Она наступала на него, и он чуть попятился, даже защищаясь, выставил вперед руки.

– Ладно, но учти и любой другой спросил бы тоже самое!

Девушка подарила ему одну из столь редких улыбок.

– Все, кто спрашивали, мертвы.

Он тоже улыбнулся. Однако она, спрятав улыбку, серьезно смотрела на него, подтверждая искренность своих слов. Тут она заливисто засмеялась, не так как хохочут торговки на базаре, а искренне, нежно, в такой смехе хочется утонуть. Он даже тогда не знал, что в ней его привлекло, но понимал, что больше не хочет расставаться с этим человеком.

– Знаешь, я не хочу покупать эти цацки, мне они ни к чему. А вот в барчике я посидела бы.

Увидев его беспокойный вид, она поспешила утешить.

– У меня есть деньги. Но на будущее носи с собой всегда наличные. Вдруг тебе захочется купить бегемота или покататься на воздушном шаре? – она опять рассмеялась.

И он поддержал.

Так они стали встречаться. По крайней мере, в его понятии это было так. Между ними не было только интимной близости, все остальное было. Они встречали рассветы и провожали закаты, держа друг друга за руку. Она часто смотрела на него с улыбкой и пусть эта улыбка была чуть загадочной, а взгляд отсутствующим и редко останавливающимся на нем, он понимал, что они вместе. Его смущали только два факта. Она могла исчезать без предупреждения на пару дней, не отвечая на звонки. Если же он пытался стучать в ее деревянную дверь, ее кошка мурлыкала и скреблась, будто желая усиленно доказать ему, что хозяйки и правда нет дома. Вторым являлся ее запах. Он не оставлял ее ни на минуту, тогда как он, незаметно обшарив всю ее сумочку, никаких духов не обнаружил. Он был терзаем дурными предчувствиями. Никогда не жаловавшийся на сон ранее, он стал страдать бессонницей. Что-то подсказывало ему, что далее его ждут совсем не радостные события. Он чувствовал, что отсчет уже пошел.

В ту ночь он как всегда не спал. Она исчезла на три дня, оставляя в памяти лишь свою улыбку и воспоминание об упавшем на землю мороженом при их последней прогулке. Он лежал в темноте и, под тихую электронную музыку, смотрел в потолок, думая о том, почему он лежит тут и почему один? Голова не успела распухнуть от нахлынувших ответов, как раздался

тихий, шпионский стук. Он встал и, не одеваясь, открыл дверь. На пороге стояла она, мокрая и... испуганная.

– Можно? – спросил бедный ребенок.

Глеб шире распахнул дверь, приглашая ее войти.

– Что произошло?

Она вошла и уселась в кресло, поджав ноги. Запах, распространившийся по квартире, стал еще более едким. У него закружилась голова.

– Скажи, наконец, что происходит. Я уже схожу с ума.

Она прижала палец ко рту и стала затравленно осматривать комнату, насмешив его комичностью своего вида.

– Я попала в беду. Они могут слышать.

– Не понимаю!

Глеб на шатающихся ногах подошел к ней и обнял, присев рядом.

– Не могу говорить, дай лист бумаги!

Он уловил в ее тоне приказ, и только сейчас увидел, что тушь на ее глазах размазана от слез.

– Сейчас.

Он быстро выдрал пару листов из ежедневника и подал плохо подточенный карандаш. Через несколько секунд он мог созерцать это непонятное, неожиданное, как удар молнии и страшное сообщение.

«Я в опасности, они мощная организация. Их цель превратить в рабов или свести с ума и уничтожить человечество».

Он выхватил у нее карандаш и спросил:

«Кто они и кем они инвестируются, знаешь?»

«Вроде, американцами. Часть денег приходит из Германии и Японии. Но стоит во главе другой. Для них нет понятия как их страна и чужая. Они планируют стать властителями всей земли. Большинство из них ученые, разгадавшие почти все тайны вселенной. Для них нет неизлечимых болезней, но лечат они только своих. Они контролируют человеческое сознание. Каждую нацию убивают согласно ее слабости, через алкоголь, наркотики, распущенность и расположенность к болезням, оставляют сильных, способных работать. Они слышат и видят все. Без их ведома не пролетает муха».

Глеб медленно встал. В груди его поднимался жар. Он понимал, что это не может быть правдой, ведь если это такая опасная и властная организация, они бы не позволили ей узнать то, что она знает и тем более, не позволили бы прийти и все ему рассказать. С другой стороны и что с того, что она все рассказала ему? Ведь он сам же не поверил ей, как не поверит никто, если он будет это подтверждать. Пребывая в мрачных думах, он вышагивал по комнате, пытаясь заставить работать мозг. Ведь он сотни раз мечтал о случае, способном оправдать его жизнь. И вот, когда он произошел, Глеб стоит в раздумьях как теперь жить? В сомнениях и всяческих переживаниях за будущее. Но разве оно стало для него в эти секунды ценней, кажется, нет, наверное, дело в другом. В том, что он боится взять ответственность за ее жизнь, боится ее потерять. Увидеть глазами ее смерть, нет, лучше отвернуться.

«Что теперь делать?» – спросил он в записке.

«Тебе затаиться. А мне исчезнуть из города, возможно навсегда» – ответила она, легко улыбнувшись, отчего сделалась похожей на грустного ребенка.

Его малодушие приготовилось кивнуть, но его гордость, где-то смелость, но большую часть взяла тревога и забота о ней, не позволили этого сделать.

«Я поеду с тобой. У меня есть кое-какие деньги».

«Нет, – выводились красивые буквы на исполосованном линией листе, – ты должен остаться в городе. Так они поймают нас вдвоем. За мной уже давно следят».

Она поднялась и попросилась. Но даже когда стих звук опускаемого лифта и стук удаляющихся каблучков, Глеб не мог перестать думать о ней...

Сейчас, слушая индейцев, воспоминания всплывали так легко и были такими отчетливыми, как если бы он смотрел фильм. Теперь-то он все знал. Дело было в ее дяде, точнее опекуне. Оникс, так ее звали, была сиротой. Она выросла в сиротском доме. Глеб ни разу не был в таких учреждениях. Но Она все рассказала про них. Холодные простыни, опостылевшая, почти безвкусная еда по расписанию. Никакой ласки, никакого понимания среди взрослых воспитателей, которые смотрели на часы в ожидании окончания смены и спешили домой к своим детям. Именно им они дарили свою любовь. Их слегка шлепали, а не больно пинали за провинность, их расцеловывали и задаривали подарками, а не отделялись кубиком-рубиком и тарелкой жареной картошки с газировкой. Иногда туда приходили пары и одинокие люди, они уводили счастливых. Ее несколько раз тоже уводили, все-таки она была красивой девочкой, но потом быстро приводили обратно. Приемные родители выбирают детей как лошадей на ипподроме. Им и так будет нелегко полюбить чужого ребенка, а тут еще и больного. Девочка имела проблемы с сердцем и страдала, по их мнению, аутизмом. Она плохо контактировала со своими сверстниками, могла из-за рассеянности не слышать вопросов. И отвечала односложными фразами. Казалось, мир вокруг нее свернулся. А остальной мир существовал где-то там, и с ним она не хотела иметь дел. Что ж, в чем-то они были правы. Оникс действительно отрицала реальных людей и отношения, но не из-за поставленного кем-то впопыхах диагноза – шизофрения.

Она была и остается самым могущественным существом на этой земле. Именно такие и были нужны ее «дяде».

Есть такое понятие, как Эгрегор – это душа вещи, мистерии, веры. Дядя является повелителем Эгрегора. Если один человек поверит в примету, то примета будет действовать только на него, обычное самовнушение и программирование себя на неудачу и наоборот. Если же в эту примету поверят сотни, тысячи, миллионы, то примета начнет жить своей жизнью, подчиняя вас своим законам. Мы видим мир таковым, каковым желает его видеть большинство. Об этом нам твердят многие авторы, тот же Карлос Арана Кастанеда. Если человек захочет вырваться из норм и границ этого, смастеренного общим сознанием мира, он становится изгоем. Даже если все видят ложь, а один ты правду, забудь, именно они видят истину, имя им – Большинство. Большинство всегда угнетает меньшинство. Вот здесь и таится разгадка, к которой путем долгих размышлений шел этот человек. Большинство лишь питает Душу «Правды» своей энергией, когда начинает в это верить. И чем больше становится эта квинтэссенция веры, тем все больше людей она поработает. Это как снежный ком. А вера наказывает, так как у веры должен быть кнут, иначе она перестанет быть верой. Какой бы религии не придерживался человек, он всегда должен знать, что существует наказание. Наказание должно присутствовать и в мире физическом путем воздействия на твое земное тело, и в тонких мирах, воздействуя на твои нематериальные тела. Проще говоря, и воздействием на тело и воздействием на душу. И даже наказание у каждой веры свое за каждый проступок. На земле существует три кита, которые поделили энергию людей на три части. Самый большой кит – это Христианство. Маленькие секты можно даже не брать в расчет. И к чему сводятся выводы? Дядя понял, что главное собрать эту энергию. С чего начинается большой снежный ком? Правильно, с маленького, слепленного ребенком комочка. Дети, вот не паханное поле энергии, они еще не успели ни во что поверить, они как незаполненный сосуд. И они отдадут все тому, кто первый его откроет. А дети этого века с самыми большими накоплениями – это просто кладь неиспользованной энергетики. Дядя собрал вокруг себя властных и готовых идти до конца людей. Они ходили по приютам и отбирали нужные экземпляры. Что говорить, дядя видел все насквозь, а дети, они еще не умеют маскироваться и лгать. И все они хотели уйти из приюта. Они смотрели на него

своими большими глазами, в которых таилась надежда. Он взял бы и осчастливил их всех. Это и было его первоначальной целью, когда он начал осуществлять свою идею. Взрослые уже не попадали в его рай, может только некоторая категория, категория мыслящих и развивающихся. Если человек делает своей целью яичницу по утрам, работу и футбольный матч по выходным, то он также спокойно может жить и в клетке, зачем ему свобода? Он променял ее уже давно на жизнь раба. Винтика в системе. А роли раба никогда никто ни у кого не отнимал.

Взять всех он не мог, хотя, предполагал, что все они будут впоследствии спасены. С Оней он встретился, когда ей было уже одиннадцать лет. Она была уже слишком взрослой для его планов, однако, слишком надолго задержал он на ней свой взгляд, слишком долго, чтобы прочитать ее глаза... ее душу. Она, привыкшая, что ее, симпатичную девочку, часто берут, но также часто возвращают, а это еще хуже, чем, если бы тебя не брали вообще, пряталась в дальнем углу. Ей надоело постоянно возвращаться в это место, видеть насмешливые взгляды старших девочек, которые несколько дней смотрели на нее с завистью. А здесь она вышла из укрытия, должно быть, тоже что-то почувствовав. Что-то родное. И она улыбнулась ему так, что это заметила даже воспитательница, питавшая к ней добрые чувства.

– Смотрите, она вам улыбается, она никому так не улыбалась.

Улыбка, сколь мало она значит во многих случаях и сколь много в отдельных.

Она быстро попала, как говорят в свою колею. Освоившись, она стала предводителем остальных детей. Они полюбили ее за непосредственность и кроткий нрав, который соседствовал с напористостью и смелостью в отдельных случаях, когда это было нужно. По большому дому и прилегающему к нему участку, огороженному колючей проволокой, она бродила точно королева, и нужно сказать, у нее были все на то основания, дядя наделил ее особой властью. Она сразу стала его любимицей с первого взгляда, с первой улыбки. Раньше у него была цель превратить мир в подобие рая. При этом мудрый творец не посягнул бы даже на счастье обезьян, просто ограничил бы их возможности. Обезьянами дядя называл винтики системы, иначе говоря, обывателей, премудрых пескарей. А здесь появилось желание, даже потребность заботиться об этой девочке.

И тут настала пора рассказать немного о нем самом. Его звали Адам. На вид ему было лет двадцать пять, но на самом деле он разменял четвертый десяток лет шесть лет назад. У него были свои нормы поведения, свои принципы, своя мораль. У всех, кто появлялся в его доме, должны были быть перестроены все ценности, они должны были отбросить догмы и условности внешнего мира. Адам знал, что рай, когда он наступит, придет из его дома.

А потом появились эти люди. Сначала они пришли с проверкой. Это была пара из органов опеки. Мужчина высокий и стройный, в опрятном костюме, во всех его движениях чувствовалась манерность аристократа. С ним была девушка, очень красивая, какие смотрят на нас с обложек глянцевого журналов. Они мило улыбались, особенно девушка, пытаясь покори́ть обитателей райского дома. Но в их расположении было что-то странное и пугающее. Их взгляды хитро блуждали по интерьеру дома, они задавали детям каверзные вопросы.

– В какой школе обучаетесь?

– Сколько раз в день гуляете?

– Довольны ли питанием?

Дети отвечали то, что им было сказано. Именно эта слаженность в ответах, как слаженность и безошибочность заводских станков, и насторожила разведчиков.

После них было еще пятеро. Они больше не хотели говорить с детьми. Только с опекуном. Они говорили долго, полдня. Ни Оникс, ни другие дети не знали, о чем был этот разговор. Просто увидели осунувшегося опекуна, после изнурительной беседы и полуигриво – полуугрожающе постукивающего его по плечу старого знакомого. Они вышли от них, заключив какой-то пакт перемирия. Далее, Оникс с остальными часто с ними встречалась. Но это все он узнал немного позже. Когда кинулся на ее поиски. Когда сидел у ее дома, карауля ее. Когда увидел

ее силуэт на фоне мрачного неба с золотистой луной. Когда пошел за ней, когда сел незаметно в автобус, когда шел за ней по полю, уже сам не зная куда. И когда она, наконец, обернулась. Он понял, Оникс с самого начала знала, что он следует за ней. Однако не подала вида.

– Что ты здесь делаешь?

– Шел за тобой!

Он попытался изобразить на лице самое сильное беспокойство. Однако она все еще хмурилась.

– Не нужно было. Я не хотела твоей смерти. Теперь ты почти подписал себе смертный приговор.

– Но...

– Плачь и смейся. Ты в капкане! – закричала она, и Глеб попятился в испуге. – Захотел стать героем? Но только супер-герои никогда не умирают. Ты комиксы не читал?

Он смотрел на нее тогда и не мог понять, предостерегает она его или пугает. Ее взгляд ничего не выражал, кроме дурного веселья, сдобренного хорошей порцией агрессии. Но, все же он пошел за ней. И совсем не потому, что заблудился, а потому, что уже не представлял, чем заделать ту огромную брешь в душе, что останется после ее ухода.

Они шли быстро, пугая кузнечиков и иногда, по неосторожности, давя жуков. В другое время он назвал бы это райской прогулкой. Погода была великолепная, дул переменный теплый ветер, яркое солнце загораживало увесистые деревья, создавая тень на их пути. Но самым красивым было птичье пение. Он даже не мог бы сказать, сколько именно птиц его воспроизводило, но он никогда не слышал столь звонкой свирели. Вскоре показался небольшой флигель, или изба, кому как угодно. Они, не стучась, вошли туда. Он был пуст.

– Располагайся, это одно из наших мест.

Глеб устало кивнул. Он не смотрел на убранство комнатухи, она этого и не требовала. Он не сводил взгляд с Она. Она это заметила и чуть смущенно улыбнулась. Это была ее вторая роль, разнящаяся с сумасшедшим холериком.

– Прости, – сказала милое существо и скромно опустила глазки, он готов был обожать ее вечность.

– Похоже, у меня сдают нервы. Скоро сюда прибудет один человек.

Да, этим человеком и был дядя. Знакомство с ним у Глеба прошло спонтанно. Дверь неожиданно распахнулась, на пороге возник довольно высокий человек. Что-то в нем удивляло и даже настораживало. Чуть позже Глеб понял. Дядя был, как будто бы самым обычным, даже неприметным человеком. Но с другой стороны, он был строен и красив той аристократической красотой, что вызывает испарину у дам. По логике этого человека нельзя было не заметить, однако, он был невидимкой. Казалось, он привык к запаху Они.

– Доброго вечера, сударь, – поклонился он им.

Парень даже привстал, потворствуя хорошему тону.

– Рад видеть Вас в нашем скромном жилище.

Оникс уткнулась ему в грудь. Нужно сказать, что при его появлении она подлетела к нему, как раненная птица. От них исходило что-то общее, помимо их ужасного химического запаха. Это были настроения холериков или их жесты или взгляды, он бы не сказал точно, но что-то роднило их.

– Хорошая девочка.

Дядя слегка погладил ее по голове и в тоне, обращенном к ней и в его взоре, было столько нежности. Он протянул ей небольшой футляр, она покорно его взяла и вынула содержимое. По спине Глеба прошел холодок, когда он увидел в ее руках шприц, на ее лице засияла обреченная улыбка.

– Так надо...

Далее, он просыпается в душном подвале. Над ним склоняется Оникс. Ее лицо не выражает ничего.

– Проснулся?

– Что происходит, Они?

Она выдавливает кривую усмешку.

– Ничего, кроме скорой смерти, попавшейся на крючок рыбки.

Глеб замотал головой, и почувствовал, что сделал ошибку. Шея изрядно затекла, вероятно, он долго пробыл в одном положении под действием снотворного. Он застонал. Дышать становилось все трудней.

– Они, мы же друзья, освободи меня.

– Знаешь, я действительно, при всем моем отношении к людям старалась, но я не могу, я не могу тебе стать другом.

Она сорвалась на крик и кинула в стену стеклянный сосуд.

Он усмехнулся.

– Пришла отравить меня?

Она пространно пожала плечами и неожиданно тяжело и быстро задышала.

– Слишком просто.

– Зачем я тебе нужен? Они, скажи! – потребовал он, глядя ей в глаза.

Она чуть нахмурилась и как будто смутилась. Как будто бы размышляя, какую маску ей одеть, разговаривая с ним. Наконец она выбрала.

– Сначала я отметила тебя в толпе. Не знаю почему, это мне и показалось странным. Потом оказалось, что ты чувствуешь мой запах, никто из смертных не чует его. Это отличительный запах Высших. Хотела разгадать загадку и вот, загадка разгадана.

Глеб знал, что она имела в виду. Несколько лет назад, он попал в аварию, почти не пострадал, если не считать носа, он прямо таки впечатался в руль при столкновении. Все деньги, что были отложены на новую машину, ему пришлось потратить на пластическую операцию. Как пришлось изощряться хирургу, чтобы придать носу первоначальную форму, он и не задумывался, но, видимо тот, произвел какие-то изменения в самих луковичках носа.

– Теперь, мне нужно избавиться от тебя и я еще не решила как.

– Я думал, мы понимаем друг друга...

Глеб хотел достучаться до ее лучшей сути, но она лишь сверкнула глазами. О, это был тот взгляд, что заставляет сфинктер инстинктивно сжиматься.

– Я даже не хочу начинать понимать людей. В людях нет ничего примечательного. Изучив хорошо себя, можно понять натуру остальных. Хочешь разочароваться в человеке – подпусти его поближе к себе. На второй день не останется никаких тайн. Я зла? Нет. Равнодушна? Да. Меня не интересует все, что рождается, дышит, растет, размножается и умирает. Так, перегной.

Она выражалась о людях так, будто сама не принадлежала к их числу. На него смотрели глаза холодной хищницы, которая могла кинуться и разорвать его в любой момент.

– Неужели никто не задевал твоих чувств?

– Напротив. Задевали. Если бы нет. Кто знает, говорила бы я тут это. Может быть, пекла блины, целуя толстого мужа. Ну, хватит! Я наговорилась. Разговоры о чувствах мне так же противны, как тебе...

Она нахмурилась, резко встала и стала ходить взад вперед, он же только успевал поворачивать голову вслед ее передвижениям.

– Есть люди, которые гениально освоили все науки. Они основали свою диаспору, предводитель ее Кроэл. Ранее он был членом академии, но его оттуда исключили за эксперименты над людьми. За то, что он делал, его должны были посадить на электрический стул, но у него нашлись влиятельные покровители. Они его спасли. Позже он их всех извел. Нужно ли расска-

зывать, он специалист по бездоказательному умерщвлению людей. Они-то думали с его помощью получить власть, но Кроэл не хотел ею ни с кем делиться.

При этих словах лицо ее наполнилось благоговением.

– Так вот, эти гениальные люди захотели жить в идеальном мире. Идеальное общество – это господа и рабы, послушные рабы. Изучив историю, мы понимаем, что человек не идеальный раб. Вскоре ему надоедает работать, и он поднимает восстания, устраивает революции. Вот здесь-то и додумались Высшие внедрить машины. Мир, полностью состоящий из машин, работающих на безотходном топливе, не загрязняющем окружающую среду. Это сейчас воздух отравлен ядами. Так будет до общего конца, все открытия послужат только Высшим. Тем ученым, что пытаются вывести то, что уже давно было придумано и хранится под великим секретом, перекрывают кислород. Выдающийся случай это Никола Тесла. Другим повезло меньше. Они были отравлены, сгноены в тюрьмах. Их называют жертвами науки. Научный прогресс, он ведь тоже питается, он питается жизнями. Если ты ступил на эту стезю, ты посвятил ей свою жизнь. Чтобы стать Высшим, нужно внести свой неопенимый вклад. Многие платились жизнями за это. Но они были властны выбирать свою смерть, они не становились теми, кто кончает свою жизнь как масса, чьи жизни ценны не больше жизней тараканов.

Она улыбнулась одной из своих редких улыбок. Но отчего-то это не частое действие, которое раньше вызывало у Глеба дрожь обожания, вызвало у него оцепеняющий, почти мистический ужас.

– Кто я, как ты думаешь?

Она заглядывала ему в глаза, тогда как он старался не встречаться с ее взглядом, дабы совсем не пропасть.

– Я же не совсем то, что являю взору. Если меня станут обследовать, окажется, что у меня и кровь другой консистенции и мембраны моих клеток намного прочнее мембран клеток обычного человека. И слух, и зрение, даже в темноте, у меня острее людского. Я привита от всех земных болезней. Моя реакция быстра, а память феноменальна. Старение моего организма замедлено. И мозг работает на половину своего ресурса, а не на одну десятую. Но я не идеальна, чтобы стать идеальным, нужно заслужить. Я жажду жить в новом мире, и все променяю на это, даже твое рыхлое тело, которое скоро станет кормом червей.

Она рассмеялась, но так красиво и искренне, что он зажмурился и замотал головой, чтобы стереть из памяти этот оксюморон.

– Ладно, мне пора, а ты пока отдохни.

Последнее, что он увидел, ее тяжелый сапог у себя на лице и провалился в беспмятство.

Ему снились страшные сны, люди в белых халатах, страждущие бессмертия и величия и их жертвы. Они проводили на них жуткие опыты, отчего у последних вылезали волосы и ломались зубы. Во сне он чувствовал удушье, но не мог проснуться. Это были ужасные состояния. Затем его куда-то несли, он слышал во сне голоса.

– Аккуратней с ним, не нужно, чтобы он сдох у нас на руках. Теперь в нем опасный вирус, мы проведем небольшие тесты на стойкость болезни и выпустим его в свет.

– Что? Вы обещали оставить его мне!

– Пока не был готов вирус. Целая рота микробиологов трудилась над ним. Сейчас необходимо действие. Ты побудешь с ним некоторое время. Будешь сопровождать его по главным городам государств. Вирус – это аналогия иммунодефицита, только убивает быстрее и надежно передается воздушно-капельным путем. Ему нужно будет кашлять в людных местах, и плевать на поручни трамваев и автобусов. Через некоторое время разразится самая глобальная пандемия из всех когда-либо существовавших.

Глеб приоткрыл веки и с ужасом обнаружил себя на качающихся от шагов носилках. Странные контуры несли его по темному коридору. В одном из них, поменьше, он узнал Оникс.

Паника охватила его. Глеб понимал, что самым лучшим для него в этой ситуации было бездействие. Непонятно, что для него приготовили эти люди, ведь его жизнь для них была ничем. Однако не так легко притворяться спящим, узнав, что ты заражен непонятной болезнью, и твоя цель лишь создать общемировую пандемию.

– Не хочу больше возиться с ним, я возьму нового!

Его сердце, казалось, должно было разорваться. Не вирус должен был убить его, а эти слова. Даже отправляясь в неизвестность, он думал о ней. Самым страшным было то, что поймай он на себе ее взгляд, ее улыбку, и он сам добровольно сделал бы для нее все. Она чудовище, лишенная морали, но он, не задумываясь, вынул и положил бы перед ней свое сердце, и ее темные как бездна глаза были вернейшим гарантом его послушания.

– Ты останешься с ним. Будешь вести его до конца.

И эти жесткие, равнодушные слова, обращенные к Оникс ее напарником были и его приговором и его спасением.

– Ладно!

Глеб уловил едва заметный смешок. Одна из темных фигур чуть приостановилась, из-за чего вторая чуть оступилась, носилки покачнулись.

– И брось свой тон, я хочу, чтобы ты обошлась без халявы, и твоих штучек. Не нужно его умерщвлять, как Причину-19. Он должен жить столько, сколько отпустит ему болезнь, в этот раз мы хотим обойтись без судебных следствий. Но не переживай, болезнь очень мучительная, ты повеселишься.

Прекрасно, Глеб похолодел, у него теперь даже не было имени. Все они назывались причинами разнообразных бедствий земного населения. В голове его замелькали сотни тел, которые использовали Высшие, а затем свалили в одну большую кучу, над которой теперь роятся мухи. И Оникс, его милая девушка, стоит и довольно улыбается их величию. Величию тех, что возомнили себя Богами. Его замутило, и он провалился в темноту.

– Как себя чувствуешь?

Ему улыбалась Оникс, она сидела у изголовья его кровати. Они находились у него дома. И он хотел верить, что это все был один большой кошмарный сон. Он хотел верить, но он видел следы уколов на своих руках, синяк на лице от ее сапога. Но ему совсем не хотелось никаких разговоров, не хотелось обвинять ее. Если ему и отпущено небольшое количество времени, он хотел провести его в своем выдуманном счастливом мире. И он убил бы тогда любого, кто посмел бы проводить расследования и отбирать это, пусть и обманчивое счастье.

– Мы сегодня выезжаем в Ростов.

Да, он помнил, что должен начинать пандемию, но не хотел говорить с ней и об этом. Догадывалась ли она, что он обо всем ведал? Даже если и так, ей было абсолютно все равно. Слишком бесстрастно было ее лицо. А он так хотел сделать ее счастливой, он мог быть Причиной-20 и 25, кем угодно, лишь бы это вызывало у нее радость. Но он знал, что все это лишь необходимость, ее работа. А его самого она с великим удовольствием убила бы. Может еще и попытается. Почему бы и нет? Как только они объедут мировые столицы, он может нечаянно утонуть, или сгореть. Самое неприятное в этой ситуации для него было то, что единственный человек, ставший для него дорогим, только и жаждал его скорейшей смерти.

– Сюда мы, скорее всего, больше не вернемся. Собери все, что тебе дорого. Что вы там, люди, считаете за талисманы...

Она опять отделяла себя от человеческой особи. Это так сильно резало слух, он понимал, что это было неспроста.

Вскоре, ему все объяснили. Он встретился на улице с еще одной Причиной, которая поведала ему страшную фантастическую историю. Они встретились на главной площади, и узнали друг друга по затравленному взгляду, по особому поведению обреченного, возможно, высшие

так же без запаха могли узнавать себе подобных, как и Причины. Они общались недолго, они вообще не должны были общаться, если бы не упущение Оникс, которая делала вид, что прогуливается, а на самом деле выбирала себе очередную жертву.

– Причина-35, – представился ему лысеющий мужчина, лет сорока.

– Эмм, я не знаю.

– Кто твой проводник?

– Вон та прозрачная девушка. – Глеб кивнул в сторону Оникс.

Мужчина проследил за его взглядом и чему-то усмехнулся.

– Это Оникс. А ты Причина-20. Не повезло, твой проводник жестокий убийца без души.

Но ведь у машины и не может быть души.

Он закашлялся, Глеб подался в сторону, понимая, что тот может быть заражен другой гадостью. Но уходить он не хотел, слишком большим был соблазн узнать больше о его темной фантазии.

– Почему ты назвал ее машиной?

– А ты думаешь, она человек? Она и тебе рассказала эту слезливую историю про детский дом? Это все правда лишь наполовину. На самом деле она наполовину киборг. Один японский ученый создал этот организм. А Адам просто нашел тело девушки на помойке. Она была полуживая, но очень красивая, над ней здорово поглумились какие-то подонки. Ее создали заново, но ее память и ненависть к человеческой жестокой природе остались. Причина-19 тоже был влюблен в нее.

Он сделал ударение на слове «тоже». Глеб смутился и закашлялся, но уже не от смущения. Вирус начинал поражать его систему.

– Но его поклонение не помешало ей убить его.

– Ко мне она что-то чувствует. Пусть это не любовь, не сочувствие, но, что-то есть...

– Да, да, конечно есть, – прервал он его и беззлобно рассмеялся.

Он не верил Глебу, но последний и не хотел ничего доказывать, ведь это все только между ними с Они....

Потом началось их долгое путешествие. Их путь пролегал через Ростов в Волгоград, затем они должны были заразить Воронеж, Москву и Питер. Глеб думал, что напоследок своей никчемной жизни он попутешествует за границей. Но оказалось, что в каждой стране свои причины, на то имелись веские основания, ведомые лишь Высшим. Но и без этого он чувствовал себя артистом смертельных гастролей. Оникс всюду сопровождала его. Ее кривая, но от того не лишенная шарма, усмешка давала стимул к действию. Настроения ее были подвержены частым сменам, она то мило улыбалась, то ни с того ни с сего хмурилась и начинала выражать недовольства. Он называл ее про себя «милый сердитый киборг». Вслух такого он не посмел бы произнести, не таковы были их отношения. Оникс злоупотребляла дурацкими энергетиками, почти не спала по ночам, глядя в окно. А если и ложилась спать, то уже под утро, поздно засыпая и рано вставая, она пинала его. И она почти ничего не ела, кроме овощей и куриного мяса. Глеб даже немного беспокоился за ее скудный рацион, но девушка только безразлично хмыкала на его предложения полноценно поесть.

В Ростов они прибыли в полдень. Солнце нещадно палило, они шли по красивым, мощеным камнем и плиткой, улочкам. Наверное, со стороны они смотрелись весьма странно, и даже пугающе. Худая, хмурая, но очень красивая девушка и изможденный болезнью, то и дело кашляющий, парень в толстовке с капюшоном. Ее редкие колючие, даже злые смешки в сочетании с его угрюмым настроением и затравленным взглядом создавали яркий контраст. Редкие прохожие даже оглядывались на них.

– Это мясо еще не знает, что мы им приготовили.

Оникс улыбалась, как пятилетняя нашкодившая девочка. Она была так мила, ей подавали руку в трамвае, придерживали перед ней двери, услужливо улыбались и делали комплименты, но это ее ничуть не трогало, и ни на грамм не прибавляло в ней любви к человечеству. Наоборот, когда один горе-Казанова, чуть задержал ее руку в своей, помогая спуститься, она вогнула в него свои ногти так, что у него чуть не вылезли из орбит глаза.

– Девушка, понежней! – огрызнулся он, но руку тут же освободил.

– В морге с тобой будут нежны. Оденут и омоют и песенку споют. – парировала Оникс, сопровождая свою фразу легким смехом.

Парень покрутил у виска и быстро куда-то исчез. Глеб улыбнулся, так она была прекрасна в этот момент. Злобная фурия, его любимый киборг. Они перекинулись взглядами заговорщиков, и пошли дальше.

Действовать решили дотемна. Он кашлял в поезде, в центральной библиотеке, в больницах и скверах. Они посетили также самый большой кинотеатр Киномакс-Дон, где он, под неодобрительный шепот, прокашлял два часа в абсолютной темноте. Его кашель становился все страшнее, иногда он не мог вздохнуть не откашлявшись. Люди реагировали по-разному, но все больше сторонились его и Оникс. Никто ведь не знал, что ее мембраны прочнее человеческих, что у нее острое зрение и что она привита от всех болезней. Впрочем, ей нравилось чувствовать себя отверженной. Она упивалась их положением, он вроде тоже, ведь ему нравилось то, что нравилось ей. А потом, так некстати пришло оно... Его острое желание жить. Оно пришло так неожиданно, что он сам опешил.

Кашлянув в очередной раз, он сплюнул и увидел кровь. Он кашлял кровью, ему оставалось недолго. О своем неизбежном конце он догадывался давно, но именно в тот момент, он это осознал так ясно, что у него закружилась голова. Он упал бы, но надежная рука Оникс подхватила его. Прохожие брезгливо обходили их стороной, он, пошатываясь, сполз по стене какого-то магазина. Оникс, все еще придерживая его, присела рядом. И, может, это рисовало его больное сознание, но в ее взгляде было не только любопытство.

– Как ты?

Он видел, как тяжело ей дались эти слова. Она взяла его руку и стала яростно ее растирать.

– Так кровь будет быстрее циркулировать, – объяснила Оникс и, увидев его полный обожания и тихого восхищения взгляд, дала ему изо всех сил пощечину. Его голова откинулась назад.

– Я не хочу больше, Они. Я никуда с тобой не пойду.

– Ты пойдешь, – угрожающе прошипела она, но Глеб только покачал головой.

– И что ты мне сделаешь? Я уже мертвец, и я не хочу создавать пандемию.

Оникс зло встряхнула его.

– Об этом нужно было думать раньше. Ты ее уже запустил.

– Ладно, я не хочу ее продолжать. Я хочу засесть в темном подвале и умереть.

Оникс резко встала и пошла. Его ножом полоснула мысль, что она может уйти навсегда, и они больше не увидятся. Глеб попытался встать, его голова закружилась, и он понял, что без чьей либо помощи ему не справиться.

– Оникс!

Глеб хотел крикнуть, но у него не получилось. Он опять повалился на землю. Его глаза следили за ее хрупким силуэтом, который вот-вот должен был растаять в солнечном свете. Глеб закрыл глаза, и уже было приготовился встречать смерть. Все, что оставалось у него в жизни, должно было исчезнуть безвозвратно. Его опять накрыл приступ кашля, через секунду он почувствовал на себе холодную руку.

– Поднимайся!

Открыв глаза, он увидел Оникс, и к нему вновь вернулись силы.

– Прости меня. Я поддался панике.

Она хмыкнула:

– Знаю. И зачем только я с тобой вожусь? Мне стоит только улыбнуться, и я найду новую Причину.

Здесь она была не права, и Глеб понимал, что она блефует. Ей было приказано следить за ним, и она должна оставаться с ним до его смерти. Но ей говорить о своих догадках он не стал, иначе поддавшись своей пылкой натуре, она могла и задушить его. Девушка помогла добраться ему до гостиничного номера. Он уже грезил о ванной, но, чувствуя ужасный жар и дрожь во всем теле, понимал, что ему пока не светят водные процедуры.

– Они, не могла бы ты мне помочь искупаться?

Она, удобно усевшаяся в кресло и закинув ноги на подоконник, непонимающе смотрела на него. И этот взгляд говорил: «Парень скажи, что я ослышалась. Мне же так не охота тебя сейчас убивать и куда я здесь спрячу твоё тело?!»

– Мне нужно искупаться, иначе я завоняюсь.

Она пожала плечами, говоря: «Ладно, валяй».

Он в бессилии опустил руки и повернулся к стене.

– Ладно, я отведу тебя в ванну, но что-то мне подсказывает, что ты и сам бы отлично справился, просто тебе нравятся мои прикосновения.

Глеб бешено замотал головой, не желая получить оплеуху, вроде той, которой она наградила его за неправильный взгляд.

– Я... мне не нужно ничего такого, я ни о чем даже не думаю!

– Хорошо.

Она улыбнулась и усадила его в ванну.

– Эмм... А ты не могла бы... Я не достаю до спины...

Вот тут и должен был наступить апокалипсис, он проклял себя за свою глупость. Ее глаза стали совсем черными от злости. Но она даже не ударила его. Просто наклонилась к нему близко-близко и... поцеловала. Обычным легким поцелуем, но в нем он, может благодаря своей романтической натуре, прочитал нежность. Ее губы были нежны и приятны, но он недолго пребывал в этом раю. Она резко оттолкнула его и вышла. И не успел Глеб облегченно вздохнуть, как она появилась в ванной снова, держа в руках фен. Она легким движением вставила его в розетку.

– Ты, наверное, знаешь, что если я уроню эту штуку в ванну, тебе не поздоровится. У тебя слабое сердце?

У него было отличное сердце, пока они не заразили его этой гадостью, но вслух этого Глеб не произнес. Он видел, что ее настроения итак совсем не несут ему спокойной жизни.

– Я думала, я справлюсь, но у меня ничего не получается, – вяло, с нотками плаксивости, произнесла Оникс, вставляя фен в розетку. – Я старалась, но понимаю, что не справлюсь с желанием убить тебя. Мне нужно попробовать с новой Причиной, которая меня не будет так раздражать.

В ту же секунду его мозг пронзила ужасная догадка, что сейчас наступит его конец. Откуда-то собрались последние силы, и он буквально вылетел из ванны. Парень приземлился на холодную кафельную плитку как раз одновременно с тем, как фен утонул в наполненной почти до краев ванной. Раздалась вспышка, и погас свет. Он быстро выполз в тускло освещенный коридор. Оникс возвышалась над ним.

– Вот видишь, раздражать меня совсем не обязательно. Ведь ты сам прекрасно со всем справляешься.

На следующий день они уже ехали в небольшой маршрутке в Волгоград. Рядом с ними ехали челноки с полными полосатыми сумками ширпотреба. Его полностью сотрясал кашель, на глаза наворачивались слезы, а машина все ехала и ехала по длинной дороге. Глеб смотрел на

лицо Оникс, та наблюдала мрачную картину за окном, множество ворон усеивавших деревья с громким шумом взмывали вверх. Ее лицо, как всегда, хранило маску бездушия.

– Они... – обратился он к ней, когда, наконец, прошел один из приступов, которые стали уже постоянными.

Она повернулась к нему.

– Что будет после всего?

Оникс удивленно подняла брови.

– После конца света? Или чего всего?

– После того, как я уже буду вам не нужен.

Она вдруг ни с того ни с сего надела маску дружелюбия.

– Ты умрешь, мне будет жаль, но ты умрешь, такова судьба Причин.

– А если я не хочу? – осторожно начал Глеб, пытаясь отслеживать ее настроения.

Ему совсем не хотелось повторения вчерашнего инцидента. Оникс заинтересованно воззрилась на него.

– Хочешь жить? Я могу это устроить, но ты не выживешь в новом мире. Уж лучше уходить вместе со всеми. В новом мире ты будешь изгоем.

Он молчал, понимая, что ее слова – истина. Ему и не хотелось спорить с ней. Он знал одно, что согласился бы и на жизнь отвергнутого и не нужного, лишь бы рядом была Оникс. Но, прежде всего она не испытывала в нем необходимости. Самым большим, чем он был для нее – развлечением. Жестокая игра над его жизнью и чувствами.

– Да, ты права. Дай мне свою руку.

– Зачем это? – подозрительно покосилась на него девушка.

Глеб бескомпромиссно смотрел на нее.

– Я сказал, дай мне свою руку!

Оникс нерешительно протянула ему ладонь. Она же все просчитывала в своем полу электронном мозгу и вещи, которые она не могла объяснить, сбивали ее с толку.

Он просто взял ее маленькую кисть и сжал в своей руке.

– Хочу посидеть так.

Она дернулась, но он ее осадил.

– Дай и мне почувствовать себя человеком, мне и так мало жить осталось! Все это я делаю ради тебя, отплати мне хоть каплей тепла.

Она сидела неподвижно, а потом и вовсе отвернулась к окну, но руки своей не снимала.

Шел третий час поездки и его накрыл один из сильнейших припадков. Его тело стало трястись в конвульсиях, изо рта пошла кровавая слюна. Оникс хоть и старалась скрыть его состояние от окружающих, однако ей это не удалось.

– Что с ним? Эпилепсия? – всполошились две пожилые торговки.

Оникс подняла руку, призывая их замолчать.

– Все нормально. Я имею медицинское образование и я путешествую с ним.

– Почему у него кровь? Он заразный? Сегодня как раз говорили о вспышке эпидемии – не унимались дамы.

Оникс тяжело задышала.

– Первой суке, которая сейчас откроет рот, я заткну его своим сапогом.

Дамы мгновенно притихли.

– Все в порядке? – спросил водитель, услышав их перепалку.

– В порядке. Но лучше нам на время остановится, парню нужно отдышаться, –скомандовала девушка.

Водитель, мило улыбнувшись ей, поспешил исполнить просьбу. На воздухе Глеб почувствовал себя намного лучше и мысленно поблагодарил Оникс. Он попытался глубоко вдох-

нуть, но услышал, как в горле заклокотала жидкость. Голова закружилась, но, придерживаемый девушкой, Глеб не упал в обморок. Он стал дышать аккуратно, мелкими глотками пропуская воздух в легкие. Оникс ни разу не взглянула на него, но ее лицо стало терять маску беспристрастности.

В Волгоград они прибыли ровно в полдень. По прошествии пяти минут у девушки зазвонил телефон. Она легким движением руки раскрыла свою раскладушку и грациозно поднесла ее к уху.

– Да.

Глеб долго слушал, пока чей-то незнакомый голос докладывал Оникс о развитии ситуации. Оказывается, что все продвигалось лучше, чем было задумано. Вспышки неизвестной эпидемии разразились не только в Ростове и Волгодонске, но в промежуточном пункте Семикаракорск, где он успел лишь пару раз шмыгнуть носом. На России это не заканчивалось, очаги заражений были обнаружены в Китае. Оникс довольно кивала, и наконец, договорив, положила трубу.

– Что ж, могу тебя поздравить. Куплю нам по баночке коктейля.

День продвигался по той же схеме, но в этот раз Оникс была намного заботливей. Она позволяла ему подольше побывать в самых примечательных местах Волгограда. Они два часа, после миссии, гуляли в парке местного планетария, Глеб почувствовал небольшое облегчение и даже съел половину гамбургера и шоколадку, купленную заботливым киборгом. Они устроились на каменной плите. Глеб устремил свой взгляд на маленькую синюю модель земли, стоящую в центре парка.

– Знаешь, о чем я думаю? – спросил он девушку.

Оникс отрицательно покачала головой.

– Сотни людей завтра заболеют и заразят тысячи...

– И?

– А мне не жаль их. Я хотел бы пожалеть, но не могу. Я жалею вон того мальчишку, ту беременную девушку. А всех вместе, всю толпу не могу. Толпа теряет лицо, теряет душу. Когда ты сливаешься с ней, ты тоже теряешь....

Оникс ничего не сказала, однако в ее взгляде появилось ранее не известное ему выражение....

А вечером произошло странное событие. Они возвращались в гостиницу и остановились передохнуть возле парковки. Глеб оперся о железный забор и пытался отдышаться, ходьба стала даваться ему все трудней. Оникс, чей слух намного острее человеческого, вдруг насторожилась.

– Где-то кричат.

Глеб силился услышать, но так и не смог. Ее слух был намного острее. Девушка схватила его за руку, и они сорвались бегом на крик. Их взору предстала неприятная картина. Двое отбросов общества издевались над молодым человеком. Один держал его руки, а другой тушил окурки о его лицо. Глеб не успел даже сообразить, как Оникс кинулась на того, кто держал жертву, и с силой ударила его по лицу. Оба подонка опешили, не ожидая нападения от столь хрупкого существа. Однако замешательство длилось не долго, они сразу же переключились на Оникс, которая получила пару мощных ударов. Глеб тут же кинулся на помощь, однако никогда не вступающий в драки и не привыкший вершить правосудие, потерпел неудачу. Но здесь словно очнулся защищаемый ими мальчишка, он поднял огромный камень и опустил его на голову одного из нападавших. Это действие совпало с ударом Оникс, которая очнулась

и снова ринулась в бой. Увидев, что на шум приближается небольшая кучка молодых людей, гопники поспешили ретироваться.

– Вы не пострадали? – обратились парни в первую очередь к девушке и, заметив на ее лице огромный кровоподтек, ужаснулись. – Вот сволочи!

– Пройдет, – отмахнулась Оникс.

С ее лица не исчезало интересное выражение, которое Глеб увидел впервые сегодня в парке. Она была как никогда красива, даже с ужасной кровоточащей раной на лице.

– Оникс, я...

– Не смей! – прикрикнула она на него и, оттолкнув благодарившего ее подростка, пошла в гостиницу.

Весь вечер она молчала, глядя в окно. Глеб с грустью наблюдал за ней. Как бы ему хотелось, чтобы они были связаны не этими ужасными событиями.

– Я забыл покашлять.

– Что?

Оникс будто очнулась от своих мыслей. Глеб потупил глаза и, боясь показаться нелепым, повторил.

– Нужно было заразить их.

Оникс слабо улыбнулась. Она спрыгнула с подоконника, на котором восседала и подошла к нему. Ее челка, давно не подстригаемая, закрывала ее лукавые глаза. Он старался прочесть ее настроения.

– Я так разозлился, когда увидел, что он ударил тебя. Жалею, что не плюнул ему в лицо.

– Тсс... – Она прижала палец к его губам. – Смотри.

В ее руках появился мини шприц. В нем Глеб увидел жидкость светло-серого цвета.

– Их обоих завтра не будет в живых, я успела им впрыснуть. А ведь я брала это для тебя.

Она беззлобно засмеялась. Глеб тоже улыбнулся, однако в его улыбке веселья не наблюдалось.

– Ты хотела меня убить?

– Да, ну ты и сам это знал.

– Знал, – подтвердил Глеб.

Он действительно знал, но ему не хотелось в это верить. Ему страшно было верить в это. Он отвернулся от нее, однако чувствовал ее горячее дыхание на своей шее.

– Я и сейчас могу тебя убить, – прошептала она.

Он кивнул, так как это тоже было правдой. Они были так же далеки друг от друга, как и во время их первой встречи.

– Разреши мне пойти спать, завтра предстоит решать судьбы миллионов.

Она грубо толкнула его.

– Ложись. Здесь одна кровать, я посижу на подоконнике.

Глеб лег, не раздеваясь, его состояние под вечер ухудшалось, он еле нашел в себе силы, чтобы снять ботинки. Предлагать ей лечь рядом, он не решился, однако не побоялся обратиться к ней.

– Можно вопрос?

– Давай.

Голос Оникс звучал понуро.

– Почему ты заступилась за того парня?

– Можно мне убить тебя?

Он обрадовался ее ответу. Ведь он означал только то, что она сама не знала, ответа. Она не знала, отчего встала на защиту незнакомого мальчишки, который должен был рано или поздно пасть жертвой пандемии. Это означало, что она не робот. Что не все в ее мозгу решает «процессор», что она умеет чувствовать и идти на поводу не только у отрицательных эмоций.

На следующий день их снова увозил автобус навстречу новым свершениям. Из новостей по маленькому телевизору в Икарусе, они узнали «тревожные» новости. На мир надвигается самая большая пандемия в мире, которая унесет, по самым оптимистичным подсчетам, десятки тысячи. Что ж, Глеб с Оникс переглядывались и улыбались. Значит, Причины в других странах работали так же добросовестно.

Они добрались до Воронежа. Настроение у обоих было странным и переменчивым, казалось, они думали только об их общем деле. И во всех своих разговорах старались не касаться личных тем, затрагивающих чувства друг друга, однако в воздухе чувствовалась особая напряженность.

И вот при этих обстоятельствах он встретил его. Это была очередная Причина, только поменьше, что-то типа птичьего гриппа или сибирской язвы. Он был узан им, как и первым, безо всяких слов.

– Причина-12.

– Причина-20, – представился он и даже почувствовал некую гордость.

Оникс где-то гуляла, предоставив его самому себе. Он захотел обследовать особо красивые места и возле красивейшего фонтана на Петровском сквере столкнулся с обреченным. Парень был одет в такой же балахон, из-под его капюшона выглядывали светло-русые волосы. Он, безо всяких предисловий, обратился к нему с делом.

– Мы должны держаться вместе. Существует возможность выслужиться и остаться с Высшими.

Ему с самого начала не внушил доверия этот человек. Что-то в его взгляде, в его голосе, казалось ему игривым, даже лживым. Словно он играл выученную роль.

– Меня не интересует жизнь после Великого момента. Предпочитаю уйти с остальными.

Парень брезгливо поморщился, выражая все презрение мира.

– Ты потерял мое уважение.

Теперь Глеб оглядел его тщедушное тельце, его малоприметное лицо и с безразличной холодностью, как умела только Оникс, произнес:

– Последняя вещь в мире, о которой я пожалею, будет твое уважение.

И, надев капюшон, он, сгорбившись и кашляя, пошел от него прочь.

Вечером того же дня произошел странный инцидент. Оникс бродила где-то целый день, потому вечером объявила:

– Я не контролировала развитие пандемии вчера. Значит, мы остаемся здесь до завтра.

Эта новость ни порадовала, ни огорчила его, он лишь предупредил ее.

– Смотри, завтра у меня может быть последний день, ибо сегодня я потерял сознание в саду.

Это было абсолютной правдой. Приступ в этот раз был особенно сильный, Глеб провалялся в саду без сознания больше получаса. Какой-то случайный прохожий потормошил его и он очнулся.

– Я все знаю. Ты еще долго держишься, а должен был умереть намного раньше, – спокойно произнесла Оникс, однако руки ее затряслись, и чашка с горячим кофе упала на пол и разбилась вдребезги.

Она испуганно сверкнула на него глазами.

– Ты, скорее всего, долго не спала, – поспешил оправдать ее Глеб.

Он знал, что намекни он на ее чувствительность и не вирус его убьет. Она кивнула.

– Может и усталость. А может...

Она замолчала. Глеб нахмурился.

– А может, я тоже заразилась.

– Но ты сказала, что привита ото всех болезней?! – вскричал Глеб в испуге.
Она пронзительно посмотрела на него.

– Это новый вирус. Возможно, проводники для Высших также ничего не значат, как и Причины.

Глеб в отчаянии упал на кровать. Только не она, только не Оникс.

– Нет, нет, они не станут убивать тех, кто им служит.

Она обреченно усмехнулась.

– Станут. Уже двое проводников мертвы. Их подкосил именно твой вирус.

Он не мог поверить, не имел права. Его жизнь отсчитывалась по минутам, он не мог заставить свой разум принять этот ужасный факт. Ведь все, что он делал, он делал для нее. Вся его жизнь была жертвой во имя ее долгого, а может и вечного счастья.

– Я достану их!

Тело Глеба согнулось в конвульсиях. Он упал с кровати на пол, и его вырвало кровью. Мозг его понимал, насколько глупо звучала последняя фраза, и насколько безнадежно было его положение, но его физическое тело жаждало борьбы.

– Я убью их!

Затем он подполз к их совместной аптечке и стал искать марлевую повязку. Когда он ответил ей на вопрос, что он делает, она лишь улыбнулась.

– Тогда не тебе нужна марлевая повязка, а мне химзащита.

Оникс подошла к нему и присела рядом.

– К тому же, если Высшие задумали от нас избавиться, они это сделают по любому. Я не стану бороться. Хочу лишь...

Она медленно поднесла руку к его лицу и легко провела по щеке. Он перехватил ее и... поцеловал, а затем отпрянул, ожидая шторма. Но она сидела не двигаясь.

– В моей жизни произошло ужасное событие, после которого я родилась заново. То, что было в той жизни, умерло, осталась только второе рождение и вторая жизнь. И смерть...

Он хотел остановить этот момент и остаться в нем навсегда. Хотел заставить ее молчать, ибо ее прошлое не имело значения, каким бы темным оно не было, ничто не имело. Хотел сказать, что доверяет ей. Но она покачала головой, словно говоря ему, что должна продолжить.

– Я не знала никого и ничего в этой жизни, кроме заданий и обещаний рая. Я думала, что заслужила рай, но нет. Я его заслужила не больше остальных. Сейчас я хочу только поцеловать тебя. И если мне суждено уйти, я хочу уйти с тобой. Хочешь, я скажу тебе, почему я заступилась за того подростка? Я скажу, что увидела его душу, то, что я не видела в людях, пока не узнала тебя...

Они провели эту ночь вместе, на одной единственной кровати.

Наутро его ждало потрясение. Он думал, что они с Оникс, наконец, смогут вырваться из этого водоворота страшных событий, но она огорошила его заявлением.

– Мы пойдем сегодня в город, и будем выполнять наложенную на нас миссию.

Глеб не верил своим ушам.

– Они, ты не киборг, у тебя есть воля!

Она сверкнула глазами.

– Правильно! У меня есть воля, и есть долг. Я согласилась на это и отступлюсь, только когда закончу задание. Будешь мешать мне, умрешь раньше.

Он тяжело вздохнул. Конечно же, он не собирался ей препятствовать, но сам больше не видел причин, отчего бы ей подчиняться людям, которые предали ее.

Они прошлись по всем супер- и гипермаркетам, а так же магазинам, кинотеатрам и кафе. Он кашлял без устали, теперь ему даже не приходилось прилагать усилий, мокрый кашель сопровождал его везде, как и вялость с дрожью конечностей. Возле здания казначейства он

снова встретился глазами с Причиной-12. Тот сделал вид, что не узнал его и перешел на другую сторону улицы. Однако когда они с Оникс прошли, он обернулся и увидел неприятного знакомого смотрящего им в след. Отчего-то дурное предчувствие поселилось у него на душе.

Оникс на улице вела себя, как холодный, аморальный убийца. А вечером, в их номере, она вновь обращалась в его Оникс. Именно в такие минуты, Глеб чувствовал свои силы. Он вновь попытался поговорить с ней. Его попытка была предпринята, когда чуть уставшая девушка сняла туфли и, еще не раздевшись, в прихожей обняла его. Он яростно прижал ее к стене и стал целовать. Глеб подавил бы любое ее сопротивление, но она и не думала сопротивляться. Они переместились в комнату и когда уже очутились на кровати, когда ее глаза были полужакрыты в экстазе, произнес.

– Я хочу поговорить.

Она простонала.

– Я серьезно. Мы не должны больше выполнять указания Высших.

– Заткнись!

Она резко встала. Глеб думал, что крепко держал ее за руку, но его запястье безжалостно хрустнуло, и она уже возвышалась над ним.

– Я сказала, мы будем исполнять возложенную миссию. Какое из моих слов показалось тебе непонятным?

Глеб хмуро улыбнулся.

– Все понятно.

– Отлично.

Она вдруг резко схватила его за волосы, и притянула его лицо к своему. В глазах светился странный огонь.

– А теперь я тебе кое-что разьясню. Ты не так все воспринял. Своими действиями я лишь хотела поднять твой дух. Я не испытываю к тебе чувств, кроме раздражения. Я больна, а мне пообещали излечение. Такая небольшая ампула светло-желтого цвета. Понимаешь?

Он кивнул. По его телу распространилась волна отчаяния, и он почувствовал запах гнили своих надежд. Одной фразой она убила все. Все его естество, восставшее, чтобы надеяться и жить. В нем боролись двойственные чувства – убийственное разочарование и призрачная надежда. Если Оникс пообещали излечение, то это главное, это то, чего он жаждал. Но ему хотелось, чтобы она объяснила это другими словами. Девушка выпустила его волосы и хмурая подошла к окну.

– Мне пообещали излечение, я получу вечную жизнь, – сказала она, явно не обращаясь к нему. И он продолжал молчать.

В их номере долгое время только тикали часы.

И они продолжили свой путь. Далее, в их планах числилась Москва.

Он никогда не был в Столице, и город потряс его своим размахом. Не нужны были музеи с их яркими экспонатами, полотна художников, одни разноцветные рекламные щиты и неоновое освещение могли заменить все. А эти величественные здания, проекты которых разрабатывали самые искусные архитекторы. Глеб еще раз окинул взглядом красивые улицы и пожелал, чтобы они с Оникс еще раз очутились здесь, но при других обстоятельствах. Настроения девушки, казалось, тоже повысились. Глеб, к слову сказать, не замечал в ней никаких признаков болезни. Видимо, ее уже привили. Оникс часто отлучалась, и, скорее всего, получила вакцину. Видя ее в добром здравии, у него повысились настроения, и даже болезнь чуть отступила. Он уже не кашлял так сильно и часто. Глеб понимал, что это ненадолго, но радовался даже этому кратковременному улучшению. Люди умирали как мухи. То и дело у Оникс звонил телефон и тихий, вкрадчивый голос сообщал ей об «успехах». Глеба ни огорчал, ни радовал сей факт. Он как будто жил в другом мире. И его счастье зависело лишь от настроений напарницы.

– Хочешь, сегодня прогуляемся на Чистые Пруды? Это очень красивое место, дышащее своеобразным покоем. Недаром именно это место с любовью описывал Булгаков.

Он с радостью поддержал ее инициативу. Они долго бродили мимо гуляющих пар и молодежи, одетой в черные одежды. Тут и там слышался страшный кашель. Двое, парень с девушкой, несли своего задыхающегося и оттого бьющегося в конвульсиях приятеля. Кто-то кричал...

И посреди всего этого хаоса Глеб, сам не понял как, почувствовал, что за ними наблюдают. Резко обернувшись, он поймал взглядом Причину-12. Напрасно тот старался затеряться в толпе металлистов. Теперь Глеб был уверен, что пройдоха следит за ними.

– Мне кажется, что парень в зеленой толстовке преследует нас.

Оникс вздрогнула и осторожно обернулась. Бледность опустилась на ее лицо.

– Да, этот беспринципный урод, он на все готов ради своей никчемной жизни. Это шестерка дяди.

При упоминании своего наставника, ее лицо просветлело, чтобы между ними не происходило, но она уважала его и по-своему любила.

– Он специально выбирает таких людей. Тебе дядя не предложил бы вакцину, ты не цепляешься за жизнь, стало быть, не станешь послушным рабом.

– Не понимаю, отчего все так верно служат ему? Становятся Причинами, идут на смерть? – поразился Глеб.

Он действительно не понимал, откуда такое большое число людей со сломленной волей. Не встретить он именно такую напарницу, никогда не стал бы Причиной. Оникс усмехнулась его наивности и все ему разъяснила.

– Это секта дяди, там воспитываются люди-роботы, не имеющие своего мнения и не должны протестовать и что-то оспаривать. Он ведь Черный принц своего Эгрегора. Даже Кроэл не смеет спорить с ним, предпочитая дружбу. Правда, дружба эта странная, Кроэл два раза чуть не отравил Адама, а дядя подсылал к нему проворных своих учеников, что тот чудом избежал смерти. Теперь, если между ними и война, то холодная. Существует и соглашение. Они помогают друг другу в достижении общих целей. Только цели у них немного разные. Дядя желает земного рая, он даже не желает массовой смертности, понимая, что если человека не доводить до крайности, подарить ему веру и потчевать обещаниями, то и он станет отличным рабом. Кроэл так не считает, в его планах заменить людей роботами. Я симбиоз их Рая. Послушный человек-киборг.

Она чему-то улыбнулась, но, вспомнив о преследователе, опять посмотрела на него.

– Нам нужно что-то с ним сделать, это не к добру. Этот человек фанатик и будет исполнять приказы точнее любого киборга.

Он кивнул, даже не представляя, что они могут предпринять в этой ситуации. Глеб опять обратил свой взор на Причину-12. Тот кому-то звонил, искоса поглядывая на них....

На следующий день Оникс оставила его одного почти на сутки. Она просто серьезно посмотрела на него и произнесла:

– Я должна сегодня посвятить много времени Причине-12, должна проследить за ним и узнать, многое ли он знает о нас.

Она осеклась. Глеб насторожился.

– А что он может знать о нас? Вроде у нас нет тайн, и мы хорошо выполняли задание.

Девушка криво усмехнулась.

– Поверь, всегда и у всех есть тайны. А то, что ты чего-то не знаешь, лишь подтверждает мои слова.

Глеб не стал спорить. Конечно же, дело было в Причине-12, который, уже в открытую, нагло следил за ними. Они выяснили, что тот даже заказал комнату в том же отеле, а, придя

вечером в свой номер, они обнаружили, что многие их вещи лежат не на своих местах. Вот тогда-то Оникс и начала основательно нервничать. Что ж, он отпустил ее и пообещал не преследовать. Она, в свою очередь пообещала вернуться живой и поцеловала его на прощание.

Вечером, когда они уже удобно устроились на диване, Глеб даже чуть приобнял ее, и, не видя ее сопротивления, поцеловал.

– Тебе лучше?

– Да, – тихо произнесла она.

Но он и так это знал. Она больше не бледнела, и у нее не дрожали руки, усталые взгляды из-под полуприкрытых ресниц, которые он принимал за волнение перед его жалкой персоной, тоже исчезли. Его радовало ее состояние здоровья. Впрочем, его состояние после значительных улучшений тоже не менялось в худшую сторону. Он, по уверениям Оникс, должен был быть уже мертвым, но он жил и совсем неплохо себя чувствовал.

– Мое здоровье каким-то образом тоже поправилось.

Оникс хмуро улыбнулась и передернула плечами, столько равнодушия было в ее взгляде, что горечь поднялась у него в горле.

– Ты не рада? Ладно, все равно я не понимаю, почему я не умер?

Наверное, он выглядел по-настоящему озадаченным, что девушка потрудилась объяснить:

– Вероятно, твой иммунитет справился с заразой. Если ты не умрешь в течение этого дня, то ты останешься жить. Твоя болезнь перейдет из острой формы в хроническую. Ты так же будешь покашливать, но не будешь заразен и не умрешь.

Глеб взволнованно привстал. Она сообщила ему о его излечении таким холодным тоном, как будто бы говорила о дешевой распродаже. Но он и не думал обижаться на девушку, его охватило всеобъемлющее чувство счастья. Он повернулся к ней.

– Оникс, это же значит, что я свободен! Мы свободны.

Оникс встала, и грубо толкнув его плечом, прошествовала к мини-бару. Он последовал за ней.

– Нет никаких мы.

Она резко повернулась к нему и просверлила его взглядом.

– То, что я совершила глупость, впустив тебя в себя, ничего не значит. Завтра ты отправишься туда, куда твои глаза глядят. Мне надоело возиться с тобой. Раз ты не болен, ты мне уже не нужен.

Его душа поежилась от ее слов, но тело не пошевелилось. Все-таки чему-то он у нее научился.

– Они, а знаешь, что я скажу? Я многим пожертвовал ради тебя, и ты знаешь, что пожертвую всем. Ты от меня так не отделаешься. Я буду твоей тенью.

Увидев в ее взгляде какую-то затравленность, он даже обрадовался.

– Я навсегда с тобой, моя дорогая. Можешь начинать проклинать тот день, когда посмотрела на меня.

Девушка открыла небольшую бутылку мартини и отхлебнула из нее порядочную порцию. Затем она красноречиво взглянула на него, словно пыталась что-то сказать взглядом. Но, будто передумав, отхлебнула еще, затем указала ему жестом на кресло, сама взяла два бокала и разлила спиртное. Глеб отлично знал ее, выучил ее повадки за то малое время и тот факт, что она секунд на пять загорела своим телом бокалы, насторожил его. Это могло означать, что она подсыпала туда в лучшем случае снотворное.

– Давай выпьем за окончание миссии. Умерла большая часть населения. Мы можем быть свободны.

Глеб медленно взял бокал. Он сразу увидел это странное, почти выжидающее выражение на ее лице. Актриса в фильме, должная сыграть злодейку, не всегда воссоздаст такой взгляд.

– Что ж, выпьем! – торжественно произнес Глеб, но отчего-то медлил.

По накалявшейся обстановке он начинал понимать, что этот бокал с красивой жидкостью внутри несет для него опасность, сопряженную может даже и со смертью. Его кинуло в жар, он инстинктивно проверил свой лоб. От Оникс не укрылся этот жест, и она ухмыльнулась.

– Что же ты не пьешь? Думаешь, в бокале яд?

Точно! Она желает его отравить, чтобы избавиться от него. Или она старается его напугать...

– Нет. Я так не думаю.

И дабы доказать это, он стремительно поднес бокал ко рту. Девушка едва заметно дернулась, и ее глаза распахнулись. Но она продолжала молчать. А он и не думал пить.

– Черт! Скажи что-нибудь!

Глеб со всего размаху разбил бокал о стену, на которой тут же образовалась странная картина из стекающей жидкости. Оникс заворожено уставилась на нее.

– Да мне и сказать нечего, – пожала она плечами, – я буду пытаться избавиться от тебя любыми способами, и ты это уже понял.

Нет, он ничего не понял и не собирался понимать. Она точно не хотела его отравить, если бы хотела, то отравила бы, она хотела просто испугать. Что-то за всем этим крылось, но девушка явно не желала выдавать тайны. Она медленно попивала из бокала, и, прищурившись, поглядывала на него.

– Знаю, тебе страшно, на улицах бушует анархия. Нет правил и законов, отсутствует мораль. Хочешь уничтожить общество, отбери у него мораль. Аморальные люди сами друга уничтожат.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.